

УДК 321.01

DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-183-189

**КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ
ПОЛИТИКИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ****KEY ASPECTS OF PERFECTION OF GOVERNMENT MANAGEMENT
IN REALIZATION OF STATE INDUSTRIAL POLICY: POLITICAL ANALYSIS****Д.Н. Нечаев**
D.N. Nechaev

Воронежский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, Россия, 394030, Воронеж, ул. Карла Маркса, д. 67а

Plekhanov Russian University of Economics (Voronezh branch)
67a, Karl Marx st., Voronezh, 394030, RussiaE-mail: nechaevpolitia@rambler.ru**Аннотация**

Цель данной статьи – анализ категории «управления» и «хорошего управления» с позиции отечественных и зарубежных исследователей. Концепт «хорошее управление» анализируется применительно к государственной промышленной политике на общенациональном и региональном уровнях. Разрабатываются категории, смежные с категорией управления: государственная политика, государственный дирижизм, конкурентная стратегия. Обосновывается с позиций кейнсианской школы присутствие государственного дирижизма в производственной сфере России и его влияние на модернизацию предприятий, усиление их конкуренции на внутреннем и внешнем рынках. Автор дает анализ кейнсианству и институционализму как экономическим теориям, отмечает их сходство в усилении роли государства в управлении экономическими и социально-политическими процессами. Отмечается, что государственные органы власти и управления обеспечивают господдержку предприятий, содействуют продвижению определенных идей и оценок в общественном мнении.

Abstract

The purpose of this article is to analyze the category of «governance» and «good governance» from the perspective of Russian and foreign researchers. The concept of "good governance" is analyzed with reference to state industrial policy at the national and regional levels. The categories that are adjacent to the governance category are developed: public policy, state dirigism, competitive strategy. The presence of state dirigism in the production sphere of Russia and its influence on the modernization of enterprises, the strengthening of their competition in the domestic and foreign markets, is substantiated from the standpoint of the Keynesian school. The author analyzed the Keynesianism and institutionalism as economic theories, notes their similarity in strengthening the role of the state in the economic and socio-political processes. It is noted that state authorities and administrations provide state support to enterprises, promote certain ideas and assessments in public opinion.

Ключевые слова: управление, «хорошее» управление, государственная политика, государственный дирижизм, промышленная политика, конкурентная стратегия.

Key words: governance, «good» governance, state policy, state dirigism, industrial policy, competitive strategy.

Эффективность современной государственной политики РФ в различных отраслях и сферах, в том числе в реальном секторе экономики, со всей актуальностью ставит в повестку дня приоритет «хорошего» управления. Проблематика «хорошего» управления активно подвергалась анализу в зарубежной управленческой науке в 80-е и 90-е годы XX века. Дан-

ный аспект стал одним из базовых при обсуждении на XVIII Всемирном конгрессе международной ассоциации политической науки (Квебек, 2000 год), где управление рассматривалось в ракурсе шести концептуализированных категорий: «минимальное государство, корпоративное управление, новый публичный менеджмент, хорошее управление, социкибернетическая система и самоорганизующиеся сети» [Смирнов, 2000, с. 168]

Рассматривая концепт управления, стоит иметь ввиду точку зрения Э. Остром о том, что в мире пока ни государство, ни рынок не преуспели в предоставлении человеку возможности «устойчивого экономического развития на базе производительного использования систем природных ресурсов» [Остром, 2010, с. 22].

Вместе с тем достижение наивысших результатов при реализации государственной политики в различных отраслях и сферах, как, к примеру, в промышленной и социальной политике, невозможно без осознания партнерства государственных (министерств и ведомств) и негосударственных (корпораций, предприятий, индивидуальных предпринимателей) акторов, различных сетевых структур. По оценке ряда исследователей (П. Бьерк, Х. Йохансон, Р.А.В. Родес и др.) управление – это не только функционирование правительственных (государственных), но и негосударственных структур и организаций.

Р.А.В. Родес рассматривает роль государственного управления в реализации различных типов политики через призму функционирования политических институтов, вне зависимости от подходов идеализма или, к примеру, постмарксизма. Исследователь полагает, что «ключевым аспектом формально-юридического анализа институтов, идеализма, постмарксизма и нового институционализма является взаимодействие идей и институтов. По-разному анализируется историческая эволюция и встроенных в них формально-правовых институтов. Поэтому мы читаем конституции как текст для убеждений, которые они вкладывают в институты» [Rhodes, 2006, p. 103].

Значительный вклад в разработку категории управления внес и профессор из Женевы Марк Хафти. Подвергая анализу категорию управления, М. Хафти подчеркивает, что в настоящее время в политической и других науках нет четкого и общепринятого определения данного понятия. Однако вместе с тем М. Хафти дает авторское определение, в котором он выделяет три группы подходов. Согласно первому из них, управление рассматривается с позиций государственного управления, в качестве синонима к слову «правительство». Второй подход предполагает рассмотрение управления с точки зрения имеющейся системы норм. Третий подход связан с тем, что управление представляет собой основу для не-иерархических систем координации [Hufty, 2009].

Н. Мэннинг и Н. Паринсон в работе «Реформа государственного управления: международный опыт» подчеркивают важность и необходимость расширения способностей правительства (по сути системы государственного управления) к осуществлению легитимных изменений в своей политике. В том числе и в рамках реализации отраслевых политик. Они выделяют ряд мер, способных повысить эффективность госуправления с целью получения больших результатов. Это «укрепление принципа профессиональных качеств в кадровой политике и сокращение патронажа, способствующие повышению компетентности и одновременно снижению рисков; ... характер контракта о найме на работу между государственным служащим и государством (*прим. авт.* повысить отдачу); ... значимость индивидуальных контрактов о достижении конкретных результатов деятельности» [Мэннинг, Паринсон, 2003, с. 38].

При анализе концепта «управление» применительно к государственной промышленной политике, как на общенациональном, так и на региональном уровнях, особое значение приобретает сетевой подход. Данный подход детально исследовался и в англосаксонской, и в немецкой школах. По оценке Л.В. Сморгунова, в первом случае «англосаксонская школа считает плодотворным его использование при изучении взаимодействия государства и групп интересов ... в отношении к особым политическим решениям» [Сморгунов, 2001, с. 103], в другом случае «немецкая школа видит в политических сетях современную форму государственного управления, отличную от иерархической и от рыночной ... теория политических сетей пытается опереться на коммуникативные процессы в постиндустриальном обществе и демократическую практику» [Сморгунов, 2001, с. 103].

Не сбрасывая со счетов важность «хорошего» управления, стоит иметь в виду и сопутствующие управлению понятия. В условиях международной (между территориями национальных государств) и межрегиональной (между территориями национального государства) конкуренции, к примеру, в осуществлении промышленной политики, особое значение имеют категории «конкуренция», «конкурентная стратегия» и «конкурентные преимущества».

М. Портер выделяет пять составляющих структуры конкуренции: «рыночную власть покупателей ...; рыночную власть поставщиков; угрозу вторжения новых участников; опасность появления продуктов или услуг-заменителей; усиление конкуренции» [Сморгунов, 2001, с.103].

Любая фирма или территория, по М. Портеру в той или иной отрасли имеет конкурентную стратегию, сформулированную или стихийную. Разработка конкурентной стратегии относится к системе управления и по существу имеет задачу в отыскании четкой формулировки того, как территория (фирма) «будет вести конкуренцию, какими должны быть его цели и какие средства и действия понадобятся для достижения этих целей» [Портер, 2016, с. 26].

М. Портер определяет ключевые аспекты конкурентной стратегии фирмы через так называемое «колесо конкурентной стратегии», осью которого становятся цели и общее определение конкурентных намерений и конкретных экономических и неэкономических задач, а спицами – ключевые направления деловой политики, среди которых: производственная специализация, целевые рынки, маркетинг, исследования и разработки, рабочая сила, производство, оптовые каналы сбыта, продажи, финансы и контроль, закупочная деятельность и снабжение [Портер, 2016, с. 27].

При реализации государственной политики в различных отраслях имеет смысл рассмотреть еще одну дефиницию, которую Д. Осборн и П. Пластрик используют в описании стратегий обновления государства с целью повышения его эффективности. Это категория «re inventing government», что в буквальном переводе означает «переизобретение». Наиболее точное определение – «обновление систем государственного управления». При этом ключевое слово – «обновление».

В итоге, Д. Осборн и П. Пластрик обосновали десять принципов обновления современных систем государственного управления, которые влияют на эффективность отраслевых политик государства, в том числе и в промышленной сфере. Наиболее актуальные из них: оценка работы учреждений не по затратам, а по результатам; руководство целями и миссией, а не законами и правилами; предупреждение возникновения проблем; предпочтение рыночным механизмам перед бюрократическими; сосредоточенность на стимулировании решения возникающих в обществе проблем всеми секторами [Осборн, Пластрик, 2001. с. 12-17].

Разумеется, современные системы управления и государственная политика в отраслях, как общенациональная, так и региональная, имеет выход на осознание понятия о развитии. В то же время, как отмечает А. Лёш, понятие о развитии не существовало бы, если бы все события совершались в одно время, равно как не было бы понятия о своеобразии, если бы все концентрировалось в одном месте. Соответственно, «лишь пространственный фактор порождает специфические особенности, получающие дальнейшее развитие во времени» [Лёш, 2007, с. 634].

В этой связи А. Лёш, развивая теорию размещения промышленности в целях пространственного развития, обращает особое внимание на две группы вопросов, связанных с выбором местоположения отдельных экономических объектов (теории размещения предприятий промышленности и сельского хозяйства) и проблемы территориальной агломерации предприятий, на всестороннее рассмотрение функционирования экономических районов. Логично, что решение данных проблем и вопросов невозможно без эффективных коммуникаций и партнерства государственных и негосударственных акторов. Их эффективное взаимодействие означает пример современного управления.

При реализации государственной политики в отраслях и сферах, как и в целом в системе государственного управления, в том числе и в современной России, особое значение имеет идеологический фактор, исходящий из сути основных экономических и поли-

тический теорий. И это при том, что, согласно Ст. 13 Конституции России, ни одна из идеологий (консерватизм, либерализм, социализм и др.) не может быть государственной.

Вместе с тем, идеологии в пространственно-временном континууме постсоветской России вызывают «к жизни определенную политическую практику... в реальности, например в управлении, сохраняются элементы идеологии предшествующего общества» [Комарова, 2012, с. 170-171].

Рассматривая государственную промышленную политику в постсоветской России (1992-2017 гг.) как на общефедеральном, так и на региональном уровнях, стоит иметь в виду, что на выработку и реализацию данной политики серьезное влияние оказали ряд экономических теорий и идеологий. В частности, в период 90-х годов XX – первое десятилетие XXI вв. содержательной основой экономической и промышленной политики являлся либерализм, а точнее – монетаризм («широкое использование рынка ослабляет нагрузку на социальную ткань, так как снимает необходимость подчиняться общему мнению во всех видах охватываемой рынком деятельности» [Фридман, 2016, с. 51]). Ставка государства на то, что рынок все отрегулирует во многом была ошибочной. Результатом данной политики стал процесс деиндустриализации.

Экономические кризисы 1998, 2008-2009 гг. стали побудительным мотивом деятельности органов власти и управления РФ в корректировке экономической и промышленной политики, внедрении содержательных элементов кейнсианства («кейнсианских» рецептов) в госуправление и госполитику. В частности, сохранение автопрома в РФ было обусловлено стимулированием совокупного общественного спроса по Дж. М. Кейнсу (госпрограмма «Автомобили в обмен на автохлам»). Данные кейнсианские рецепты (большой объем и масштаб государственного регулирования экономики) привели и к смягчению социальных проблем, большей эффективности социальной политики.

Базовый подход Дж. М. Кейнса состоит в том, что «склонность к потреблению и объем новых инвестиций совместно определяют объем занятости, который в свою очередь совершенно определенным образом связан с величиной реальной заработной платы» [Кейнс, 2015, с. 36]. Применение данного подхода к работе промышленных предприятий в РФ в период 2009-2010 гг. привело не только к сохранению, но и к модернизации, появлению смежных и новых производств за счет государственных и частных инвестиций в промышленный сектор, сохранению объектов социальной инфраструктуры и оживлению моногородов, но и к недопущению социальных протестов и потрясений.

Реанимирование промышленной отрасли, придание ей динамики развития связано и с задействованием теории и практик институционализма. Ведь институты, как отмечает Д. Норт, влияют на функционирование экономических систем, являя собой «правила игры» в обществе [Норт, 1997, с. 17]. Следовательно, они «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен» [Норт, 1997, с. 17].

Таким образом, параллельно «кейнсианским рецептам», стимулирующим совокупный спрос на промышленную продукцию в РФ были задействованы и рецепты институционализма, инициировавшие повсеместное создание институтов развития (ОЭЗ, Корпорации развития, ТОРов и ТОСЭРов и др.), следствием которых стали позитивные институциональные изменения.

Кейнсианство и институционализм как экономические теории, предусматривают большее участие государства в управлении экономическими и социально-политическими процессами, определяют ценность традиций, что роднит эти течения с идеологией консерватизма. При этом, к рубежу 2014-2015 гг. после введения экономических санкций против РФ и ответного эмбарго, в повестку дня государственной экономической политики была поставлена задача перехода к стратегического планирования, что имеет отношение к элементам системы плановой экономики, уходящей своими корнями к идеологии социализма. Таким образом, экономическая и промышленная политика в РФ являются полем противодействия экономических теорий и базовых идеологий.

Вопрос о роли государства в современном научном дискурсе применительно к отраслевым политикам – это не только вопрос об этатизме и антиэтатизме («диапазон толкований от восприятия этого института в качестве высшей формы рациональной организации общества до «пустого» места в пространстве социума» [Соловьев, 2011, с. 70]), это и вопрос о способности «государства к направленным изменениям внешней среды ... как показатель его институциональной состоятельности» [Соловьев, 2011, с. 70].

Ключевым трендом в дискурсе о государстве становится обсуждение аспекта «о его трансформации, адаптации к изменениям среды, дифференциации на различные типы» [Харкевич, 2012, с. 122]. А его онтологическое ослабление понимается, прежде всего, как «проявление его незавершенности, как развитие и изменение бытия» [Харкевич, 2012, с. 123]. При этом вопрос о сильном государстве в постсоветскую эпоху не снимается, его функции в регулировании экономики и социума, включая государственный дирижизм, не отменяются. Новые явления в политическом развитии России и ее регионов со всей необходимостью актуализируют вопрос об исследовании проблематики государственного дирижизма, его специфике, области применения, а также получаемого эффекта.

Стоит отметить, что феномен экономического дирижизма оформился во Франции и как научная категория (Ф. Перру и его исследование «Экономика XX века») и как экономическая практика, касающаяся прямого контроля национального правительства инфраструктуры и транспортной системы (железных дорог, авиаперевозок), ТЭКа (производства электроэнергии, добычи природного газа), а также отрасли телефонной и почтовой связи. При этом директивное регулирование не затрагивало остальных отраслей экономики, где частный сектор мог с успехом функционировать самостоятельно, без государственной поддержки.

Как отмечает российский исследователь В. Андрианов практика государственного дирижизма во Франции сводилась к ключевым направлениям контроля правительства за экономикой: «1) стимулирование спроса с помощью инвестиций в сферу высоких технологий и научно-исследовательских работ; 2) маневрирование государственными расходами в зависимости от экономической конъюнктуры; 3) индикативное планирование экономики, обеспечивающее условия для долгосрочных инвестиций, и направленность на поддержку крупных, доминирующих на национальном рынке предприятий и экспортеров; 4) повышение уровня жизни трудящихся и удовлетворение их потребностей» [Андрианов, 2006, с. 4-6].

Современное понимание государственного дирижизма укладывается в осознание особого явления, где выделяется «руководящая и направляющая роль государства в управлении экономикой, активное участие органов государственной власти в регулировании экономических процессов и отношений» [Райзберг, 2011, с. 106].

Кроме того, к этому также стоит добавить, что в основе теории и практики дирижизма лежит убеждение, что все экономические проблемы могут быть преодолимы политической волей. Направления государственного дирижизма в промышленной сфере страны и регионов сочетаются с направлениями классического государственного дирижизма. Во-первых, государство в лице федеральной и региональной власти посредством бюджетных вливаний стимулирует спрос на продукцию с помощью инвестиций в технологическую модернизацию предприятий; во-вторых, оно маневрирует государственными расходами в зависимости от экономической конъюнктуры (вливание бюджетных средств в предприятия в период экономического кризиса и послекризисных явлений 2009-2013 были наиболее масштабными); в-третьих, направленность на поддержку крупных промпредприятий, доминирующих на общенациональном рынке и, в-четвертых, повышение уровня оплаты труда для работающих в государственных (бюджетное финансирование) и частных (система госзакупок) организациях.

Реализация государственных отраслевых политик в РФ неизбежно приводит к вопросу о роли государства, органов власти и управления. Точнее, о масштабе и объеме его присутствия в дирижизме конкретными отраслями, включая промышленную отрасль. Советская традиция ориентировала на монополию государства в этой отрасли отечественной экономики. Постсоветская традиция либо выводила государство из этой отрасли (приватизация, разгосударствление в 90-е годы XX века), либо сводило к минимальному участию государства в дирижизме промышленным акторам (период 2000-х годов).

Приведем конкретные примеры по развитию и упадку отечественной промышленности (РСФСР в СССР, Российская Федерация) в XX веке. Если обратиться к данным объема производства промышленной продукции в РСФСР и РФ в сопоставимых ценах, то можно отметить заметные подъемы и спады. В исследовании «Белая книга. Экономические реформы в России. 1991-2001» автор-составитель С.Г. Кара-Мурза на основе данных официальной статистики указывает на то, что к 30-м годам прошлого века Россия (РСФСР) обрела статус промышленно-аграрной страны, выйдя на новый этап индустриализации, процесс которой был исключительно интенсивным вплоть до 80-х годов. К 1940 г. объем промышленной продукции в РСФСР «вырос по сравнению с 1913 г. в 8,7 раз. После войны страна вступила в новый этап индустриального развития, и к 1980 г. объем промышленного производства был в 161 раз больше, чем в 1913 г.» [Райзберг, 2011, с. 106]. Устойчивый рост промпроизводства продолжался до 1990 г., после которого вступили в действие законы, отменяющие принципы плановой экономики. Последующие реформы привели к тому, что к 1997 году 95,6% промышленных предприятий, производящих 89,6% продукции, были негосударственными. Крупные заводы, комбинаты и фабрики были расчленены на мелкие предприятия и фирмы. Так, если в РСФСР в 1990 г. насчитывалось 26,9 тыс. промпредприятий, на которых трудилось 23,1 млн. человек, то к 1997 г. количество промпредприятий увеличилось до 159 тысяч, численность персонала на которых сократилась до 14,0 млн. человек [Райзберг, 2011, с. 162].

Как мы видим, минимальное участие государства в промышленной отрасли приводит к ее деградации и упадку. В данном разрезе достаточно веско звучит мнение американского политического философа Р. Нозика о том, что «минимальное государство – это максимальное государство, существование которого может быть оправдано» [Нозик, 2016, с. 193].

Подводя итоги, стоит выделить два ключевых положения. Первое, если в экономике России, как и в экономике других стран, допускается в различных масштабах государственное регулирование и государственный дирижизм, а промышленный сектор – один из сегментов экономики, то вследствие этого логичны и практики государственного дирижизма в производственной сфере, причем, как на федеральном, так и на региональном уровнях. При этом государственные органы власти и управления, обеспечивая господдержку предприятий, содействуют продвижению определенных идей и оценок в общественном мнении. И второе положение. Государственный дирижизм в производственной сфере РФ, особенно на региональном уровне, распространяется в первую очередь на модернизацию предприятий, усиление их конкуренции на внутреннем и внешнем рынках.

Список литературы References

1. Андрианов В. 2006. Государственный дирижизм во Франции: история и современность. Маркетинг, 1: 3-11.
Andrianov V. 2006. Gosudarstvennyj dirizhizm vo Francii: istorija i sovremennost'. Marketing, 1: 3-11. (in Russian)
2. Кара-Мурза С.Г. 2001. Белая книга. Экономические реформы в России. 1991-2001. М., Алгоритм, 432.
Kara-Murza S.G. 2001. Belaja kniga. Jekonomicheskie reformy v Rossii. 1991-2001. M., Algoritm, 432. (in Russian)
3. Кейнс Дж. М. 2015. Общая теория занятости, процента и денег. Пер. с английского профессора Н.Н. Любимова. М., Гелиос АРВ, 352.
Kejns Dzh. M. 2015. Obshhaja teorija zanjatosti, procenta i deneg. Per. s anglijskogo professora N.N. Ljubimova. M., Gelios ARV, 352. (in Russian)
4. Колосов В.А., Мироненко Н.С. 2002. Геополитика и политическая география. М., Аспект Пресс, 479.
Kolosov V.A., Mironenko N.S. 2002. Geopolitika i politicheskaja geografija. M., Aspekt Press, 479. (in Russian)
5. Комарова Л.Г., Комарова А.С. 2012. Идеологические аспекты государственного управления персоналом организации. Человек. Сообщество. Управление, 1: 170-173.
Komarova L.G., Komarova A.S. 2012. Ideologicheskie aspekty gosudarstvennogo upravlenija personalom organizacii. Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie, 1: 170-173. (in Russian)

6. Лёш А. 2007. Пространственная организация хозяйства. Пер. с нем., под редакцией академика А.Г. Гранберга. М., Наука, 664.
Ljosh A. 2007. Prostranstvennaja organizacija hozjajstva. Per. s nem., pod redakciej akademika A.G. Granberga. M., Nauka, 664. (in Russian)
7. Мэнинг Э., Паринсон Н. 2003. Реформа государственного управления: международный опыт. Пер. с англ. М., Издательство «Весь Мир», 496.
Mjening Je., Parinson N. 2003. Reforma gosudarstvennogo upravlenija: mezhdunarodnyj opyt. Per. s angl. M., Izdatel'stvo «Ves' Mir», 496. (in Russian)
8. Нозик Р. 2016. Анархия, государство и утопия. Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М., ИРИСЭН, Социум, 424.
Nozik R. 2016. Anarhija, gosudarstvo i utopija. Per. s angl. B. Pinskera pod red. Ju. Kuznecova i A. Kurjaeva. M., IRISJeN, Socium, 424. (in Russian)
9. Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М., Фонд экономической книги «Начала», 180.
Nort D. 1997. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki. Per. s angl. A.N. Nesterenko. M., Fond jekonomicheskij knigi «Nachala», 180. (in Russian)
10. Осборн Д., Пластрик П. 2001. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства. Пер. с англ. М., ОАО Издательская группа «Прогресс», 536.
Osborn D., Plastrik P. 2001. Upravlenie bez bjurokratov: Pjat' strategij obnovenija gosudarstva. Per. s angl. M., OAO Izdatel'skaja gruppa «Progress», 536. (in Russian)
11. Остром Э. 2010. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. Пер. с англ. М., ИРИСЭН, Мысль, 447.
Ostrom Je. 2010. Upravljaja obshhim: jevoljucija institutov kollektivnoj dejatel'nosti. Per. s angl. M., IRISJeN, Mysl', 447. (in Russian)
12. Портер М. 2016. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. Пер. с англ. 6-е изд. М., Альпина Паблшер, 453.
Porter M. 2016. Konkurentnaja strategija: Metodika analiza otraslej i konkurentov. Per. s angl. 6-e izd. M., Al'pina Pablisher, 453. (in Russian)
13. Портер М.Э. 2001. Конкуренция. Пер. с англ. М., Издательский дом «Вильямс», 495.
Porter M.Je. 2001. Konkurencija. Per. s angl. M., Izdatel'skij dom «Vil'jams», 495. (in Russian)
14. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. 2011. Современный экономический словарь. 6-е изд., перабот. и доп. М., ИНФРА-М, 512.
Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B. 2011. Sovremennyj jekonomicheskij slovar'. 6-e izd., perabot. i dop. M., INFRA-M, 512. (in Russian)
15. Смирнов В.В. 2000. Некоторые итоги конгресса МАПН в Квебеке. XVIII всемирный конгресс международной ассоциации политической науки. Полис, 6: 166-169.
Smirnov V.V. 2000. Nekotorye itogi kongressa MAPN v Kvebeke. XVIII vsemirnyj kongress mezhdunarodnoj associacii politicheskij nauki. Polis, 6: 166-169. (in Russian)
16. Сморгунов Л.В. 2001. Сетевой подход к политике и управлению. Полис, 3: 103-112.
Smorgunov L.V. 2001. Setevoj podhod k politike i upravleniju. Polis, 3: 103-112. (in Russian)
17. Соловьев А.И. 2011. Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лике власти. Полис, 5: 70-98.
Solov'ev A.I. 2011. Latentnye struktury upravlenija gosudarstvom, ili Igra tenej na like vlasti. Polis, 5: 70-98. (in Russian)
18. Фридман М. 2016. Капитализм и свобода. Пер. с англ. М., Новое издательство, 288.
Fridman M. 2016. Kapitalizm i svoboda. Per. s angl. M., Novoe izdatel'stvo, 288. (in Russian)
19. Харкевич М.В. 2012. Политическое усиление государства через его онтологическое ослабление. Полис, 5: 122-129.
Harkevich M.V. 2012. Politicheskoe usilenie gosudarstva cherez ego ontologicheskoe oslablenie. Polis, 5: 122-129. (in Russian)
20. Hufty M. 2009. The Governance Analytical Framework. Preliminary version. Available at: http://graduateinstitute.ch/webdav/site/developpement/groups/hufty_greg/public/Governance_Analytical_Framework.pdf (accessed 05 May 2017)
21. Rhodes R.A.W. 2006. Old institutionalisms. Edited by R.A.W. Rhodes, Sarah A. Binder, Bert A. Rockman. In: The Oxford Handbook of Political Institutions. Oxford, Oxford University Press, 90-111.